

К 220-летию Ф. Тютчева

1

Он создал эпос мыслящего тростника: и камни мысли, которые ворочал Тютчев, были глобальны.

Ямбическая сила Софокла наполняла тугие жилы его строк: абсолютно русским содержанием: которое, пропущенное через фильтры его гения, становилось общечеловеческим: жаль, поэзия трудно поддаётся переводу. ...великий завет жить внутренней жизнью, превосходящей всё внешнее: текучее и мимолётное, даже если жизнь длится долго, высказан мощно, и дыхание стиха, исполненное высокой эстетикой, поражает ныне ничуть не меньше, чем столетие назад:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои –
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи,-
Любуйся ими – и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, –
Питайся ими – и молчи.

Люди – айсберги: и говоря, высказываясь, обнажают лишь верхушки своей внутренней сути: масса всего остаётся скрытой под метафизическими водами, запечатанной в пластах телесности...

Но – Тютчев создавал иные свои созвучия из воздуха лёгкости, и уходили они в таинственный воздух духа, окружающий нас, но столь скрытый.

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.

Психологическая точность стихотворения уникальна: равно – и ажурная его воздушность, невесомость, соответствующая чуду.

«Бессонница» тугим натяжение жил-строк словно проходит через сердце всемирности: и силы в стихотворение вливает сам духовный океан: колышущийся над нами, отражающийся в нас:

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?

...вместе: Мы созданы из вещества того же, что наши сны...

И шекспировский глас словно претворяется в речение Тютчева, ставящим под сомнение реальность: вроде такую конкретную, а бесконечно-зыбку на деле:

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь – и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее; он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.

Его поэзия пронизана дыханием сфер.

Соприкасаясь с нею, точно ощущаешь движение параллельных миров, их неизвестную наполненность, и, приникая к тютчевскому источнику, словно насыщаешь душу неведомыми флюидами инобытия.

Потом: конкретность чувства – нежного, как бархат, властного, как совесть – возникает в полный рост:

Я встретил вас и все былое
В отжившем сердце ожило;

Я вспомнил время золотое –
И сердцу стало так тепло...

Сложно трактуемое последнее чувство: лёд блестит, и солнце, яркое необычно, топит его:

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Он пронизывал, просвечивал строками все феномены жизни: от космических сияний, до мощно разворачиваемых лент истории (как в стихотворение «Ян Гус на костре»), от феномена русскости до тончайших душевных движений, точно портретируемых им, от земных пейзажей, до сияния запредельных панорам; и весь космос его, собранный в тугие гроздья созвучий, был бесконечно пропитан жизнью, и – неповторимостью тютчевского гения.

2

Небо противоречит могильной темноте: и, контраст сей подчёркивая, Тютчев – в компактном и вроде бы мрачном стихотворение – выводит к полюсу: пространному донельзя –полюсу всеобщего неба.

Начинается стихотворение сухой и жёсткой словесной фиксацией:

И гроб опущен уж в могилу,
И все столпилось вокруг...
Толкутся, дышат через силу,
Спирает грудь тлетворный дух...

Память каждого подбросит соответствующие ассоциации: туго скрученные, с бесконечной ниткой размышлений о собственном финале, который... так бы хотелось, чтоб был началом, и... земля осыпается с краю, и для кого-то из оставшихся в живых раскроется бездна пустоты...

Разве могла всемогущая любовь допустить смерть?

...нет ответа.

Продолжается развитие стихотворения:

И над могилою раскрытой,
В возглавии, где гроб стоит,

Ученый пастор, сановитый,
Речь погребальную гласит...

Вещает бренность человечью,
Грехопаденье, кровь Христа...
И умною, пристойной речью
Толпа различно занята...

Живо и мощно вписанная в действительность картина: изъятая же из действительности.

Речь слышится...

...кому и когда помогала кровь Христа?

Как за грехопадение двоих можно было обречь миллиарды на прозябание, страдания, смерть?

Но... пасторы известные мастера словоблудия: именно поэтому толпа и пристойна занята речью: наверняка умной: играющей символами. Но потом...

Вспыхивает оно – невероятное небо, о котором так хочется думать, как о духовной родине:

А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землей...
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой...

И световая бездна раскрывается, делается ближе, и впрямь – будто смерть не особенно страшна.

Примечание:

Александр Балтин родился в Москве, в 1967 году. Член Союза писателей Москвы, автор 85 книг. Стихи переведены на итальянский, болгарский и польский языки, эссе – на болгарский и фарси